Выходитъ въ каждую пятницу.
Адресъ Редакціи и Администраціи: „ЛЕМКО“ Горлицы.

ЛЕМКО

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО“ на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокіи Н-ръ 10 г.
Обявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 28. Горлицы, пятница 12. (25.) іюля 1913 года. Годъ III.

Голосъ Лемка.

Кричатъ на Лемка, що ширитъ шизму — кричатъ езуиты, кричатъ украинцѣ ихъ рабы, ба кричатъ и русскіи! — глядаютъ причины того ширенія, же такъ повѣмъ напомацки! Успокойте ся! Глядайте причины того ширенія отворившы очи, глядайте причины не у Лемковъ, але у тыхъ що кричатъ!

Шизму ширятъ сами езуиты съ ихъ бандомъ! Читайте, мало то народа такъ званого уніятского, а такъ полученого съ Римомъ переходитъ во Львовѣ на латинство, що мѣсяць по 30 душъ, и такъ на рокъ 360 въ самомъ Львовѣ пропадае для насъ русского народа и чи много треба часу щобы его во Львовѣ не было?! Теперь же читайте въ газетахъ, — читайте въ скаргахъ священниковъ до нашего и другихъ бискуповъ, — много то тамъ доносовъ, що латинники, езуиты переводятъ на латинство русскихъ людей, а наши бискупы ничего противъ того — неговорятъ ничего, заложили руки, — мовчатъ якъ бы воду въ гамбѣ мали, бо они того хотятъ, щобы нашъ русскій народъ пропалъ!

Такъ народъ нашъ позераючи на тоту роботу езуитовъ всякого рода, видячи що ему никто не поможе, видячи шо даже и русскіи священники, хотя съ болемъ сердця позераютъ на гибель нашего народа, кричатъ, бо боятъ ся вороговъ русского народа, своихъ бискупо̂въ! — Видячи то народъ нашъ, глядае спасенія своего народа въ православіи, а не въ уніи съ Римомъ, которая нашъ народъ съ боярами и вельможами на римянъ перевела!

Такъ дайте споко̂й нашему народови, не перетягайте его на римянъ то и шизмы не было бы, а коли силомъ позбавляютъ нашъ народъ русскости, — перевертаютъ обрядъ нашъ на латинскій, почвертовали Исуса Христа на Христа и сердце Его, заводячи римскіи комедійки въ нашихъ церквахъ, похваляютъ переходъ на латинство, то що чудувати ся, що хлопъ розумный отвертае ся отъ той фабрики римской и переходитъ въ православіе, глядаючи средства полученія ся съ прочимъ русскимъ народомъ, а тымъ средствомъ естъ православіе, — якъ бы огниво получаючое два одорваныи кавальцѣ ланцуха!

Украинцѣ фаризеи, — которыи скасовали Бога кричатъ на шизму, они скасовавши Бога (якъ въ „Голосѣ Народа“ Ч. 19 изъ сего года, на сторонѣ 7 стоитъ), не боятъ ся шизматицкой вѣры, бо скасовавши Бога незнаютъ и вѣры, а кричатъ — бо имъ съ тымъ добре, — даютъ имъ полный жолобъ, въ которо̂мъ маютъ добрый жиръ - оброкъ, та кричатъ, бо они знаютъ, що ихъ всегда не будутъ потребовати, бо якъ переверне ся народъ съ русского въ римскій таборъ, кошаръ, то езуити украинцѣвъ вышмарятъ изъ ихъ фабрики и жолобъ спрячутъ, тогда треба буде украинцямъ такъ погибнути, якъ гинутъ пирнадлѣ и клѣщи на скорѣ худобы, коли худоба здохне!

ЛЕМКО.

О. Дороцкому на стихъ въ американской Свободі.

Пора батьку не мѣшати,
Въ исторіи обучати,
Що насъ больше лєгіоновъ
Чѣмъ до трирцятъ міліоновъ!

Вы отъ Лемковъ зачинате,
До Вкраины ихъ вчисляте,
О которой Лемкы знаютъ
Що съ нею Русь составляютъ!

Сумно що того не знате,
Тому то науку мате!
Руси надъ сто міліона!
Планна въ вчености сторона!

А совѣтъ вашъ Русь любити...
Якъ єго съ тымъ погодити?
Що Вы дотеперь сдѣлали?
Доказъ вражды Лемкамъ дали!

Батьку! Вамъ Лемковъ невчити
Якъ и кого имъ любити!
Ихъ вже враги обучили,
Вы науку дополнили:

„Щобъ ся мазепять стеречи,
И Руси ся не выречи“!
А въ науцѣ, щобы вчити,
Прошу еще ся цвѣчити!

Пора отже памятати:
Лемковъ не такъ ошукати!
Они лемъ тымъ вѣру даютъ,
Що ся въ житю не шпотаютъ.
Вкраинцѣ вже насъ навчили,
Щобы мѣ имъ не вѣрили.

Чѣмъ веце насъ обучаютъ,
Лемки имъ недовѣряютъ!
Пора батьку немѣшати,
А глубше ся обучати!

ЛЕМКО.

Муками тѣла вы не побѣдите нашой души.

Въ дватцетомъ столѣтію и доходящой уже до найвысшой степени - культуры, галицко - угорско - русскій народъ снаходится въ оковахъ польско - мадярской гіены, где въ дико̂й ненависти сбыткуются надъ нимъ, насладжаются муками, стонами и кровь проливаютъ, якъ жертвенное вино.

И нѣтъ на свѣтѣ человѣка, котрый жестокостью мо̂гъ бы сровнатися съ польско - мадьярскимъ каиномъ; нѣтъ ни одного навѣть тамь, где люди потеряли внутри себе Бога, совершаютъ, ужасы насилія и переполняютъ мѣру насмѣшокъ надъ человѣкомъ.

Якъ тыгрысъ въ встеклой злости глядатъ жертву за жертвомъ, — такъ и польско-мадьярска гіена хоче свою ненасытную душу наполнити кровью и не кончитъ ся еѣ вынаходъ съ кощунствѣ надъ бѣднымъ русскимъ народомъ.

Пригнобленны страхомъ и муками, ходятъ люди, глядаютъ отдыха, забытья, прячутся отъ всѣхъ, прячутся отъ самыхъ себе, — души ихъ закрываются мракомъ темноты и умучены стогнутъ и каплями тече кровью сердце.

И въ тôмъ кровавôмъ туманѣ, котрый стоитъ надъ гал.-угорскою Русью, бродитъ русскій народъ якъ червеный призракъ и скелетъ трупа, подходитъ къ властьямъ трясущійся и зострашеный и съ глухими стонами съ горячою мольбою розказуе про неслыханы звѣрства польско-мадьярской гіены, про пекольны пытки темницъ и проситъ заступничества и спасенія.

Но рôкъ за рокомъ бѣжитъ въ тяжкой братской-лядской неволѣ а русскій народъ кружится вокругъ неѣ а пахне отъ него кровью, кровью его братьевъ и сестръ замученыхъ польско-мадьярскою гіеною. Посторонній человѣкъ чужеземецъ слѣдящій за ходомъ того мученического пожитья съ поляками и мадьярами скаже: нѣтъ различія между звѣремъ а польско-мадьярскимъ каиномъ.

Но не побѣдите русской души! — Въ отвѣтъ на ваши муки — зазвучитъ пѣсня и горячій призывъ еще съ бôльшимъ рвеніемъ, а въ тюрмахъ заключены священники и міряне не склонятъ своей гордой головы, а съ усмѣхомъ смотрѣти будутъ на орудія пытокъ и спѣвати будутъ свои пѣсни о славныхъ князьяхъ о славныхъ рыцаряхъ и великихъ духомъ прадѣдовъ, якъ отроки въ пещи огненной!

О польско-мадьярская гіена, — ты опьянена русскою кровью, очи заходитъ червеный туманъ, ты не видишъ самои себе! Где твое могущество? — Чы може тамъ въ сырыхъ арештахъ, — посередъ грудъ заржавѣлого желѣза, котрымъ ты мучишъ человѣчески тѣла. — Въ чѣмъ утѣха и осолода твоей силы, котры ты боишся стратити? — Чи може въ плачу озвѣрѣлого отъ болю человѣка?

Гдѣ красота и величіе твоей власти? Ты слышишь плачь мучениковъ; — при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца несутся призраки убитыхъ, — блискаютъ кости ихъ скелетôвъ, — чорны ямы зіяютъ вмѣсто очей на черепахъ, и страшнымъ, беззвучнымъ смѣхомъ смѣются они надъ тобою, надъ твоими безумствами, надъ твоимъ безсиліемъ.

Но ты польско-мадьярска гіена ничь бôльше не посѣдаешъ кромѣ черной души, котра розплилася въ жестокости.

А наши порывы не замрутъ; — не замрутъ николи сердца дѣтей славныхъ прадѣдôвъ, котры колыбельными пѣснями научили насъ терпѣти и умерти за Русь.

А. Х.

НАПАСТЬ!

Братя Лемки вража сила,
Украина въ бой вступила
Але збрую таку маѥ,
Що ся въ кишени качаѥ.

Гроши то суть тая сила
Що противъ насъ выступила!
Ними то насъ побиваютъ
Ихъ все веце получаютъ!

Жидъ на то гроши жертвуѥ
А ляхъ силою пануе
Прусъ хоче зъ нихъ клинъ зробити
Щобы намъ Русь роздробити!

Знаютъ що лемъ въ купѣ сила
А розбитымъ то могила,
Тому кривды намъ дѣлаютъ
Ослабити насъ желяютъ!

О враги рода русского
Вы недожіете того
Щобы Лемковъ роздѣлити
И враждою выгубити!

Вамъ премного обѣцюютъ
И грошами засыпуютъ
Але кто историю знаѥ
Тоты пляны выругаѥ!

Прусъ вамъ князей хоче дати
А жидиско утримати!
Австрія ся тымъ радуѥ
Вражу силу подтрымуѥ!

Мы клиномъ имъ не будемо,
Родомъ русскимъ останемо,
Зъ украинцовъ тра имъ знати!
Мазепинцовъ будутъ мати!

ЛЕМКО.

ПО ВОЗДУХУ.

(РАЗСКАЗЪ).

Катерина сильно простудилась и уже два дня лежала въ сильномъ жару. — Въ ту ночь она видѣла страшный сонъ. Ей снилось, что она стояла на краю глубокаго оврага. Внизу, на неизмѣримой глубинѣ, клокотала вода, въ которую съ шумомъ падали срывавшіе съ берега огромные камни. Нѣсколько выше виднѣлся колючій терновникъ. При взглядѣ внизъ кружилась голова и захватывало дыханіе. Катерина стояла на краю пропасти и глядѣла въ ея страшную глубину. — Вдругъ у нея за спиною раздался топотъ. Она оглянулась и замолкла: за ней мчался огромный красный (червеный) быкъ, — готовый сбросить ее въ пропасть своими страшными длинными рогами. Катерина въ ужасѣ вскрикнула:

— Омелько!

И въ этотъ самый моментъ какимъ-то чудеснымъ образомъ, словно спустившись съ неба, — передъ нею появился мужъ, который сильнымъ ударомъ кола до того ошеломилъ быка, что тотъ шарахнувшись въ сторону, — свалився въ оврагъ.

Все это произошло въ одно мгновеніе.

Вскрикнувъ, Катерина проснулась и застонала.

— Чего ты? — испугалась разбуженная мать.

— Ой, мамо! мнѣ страшно!...

— Отчего?

— Я видѣла Омелька, — тревожно заговорила Катерина, — онъ здѣсь былъ... онъ спасъ меня... Пустите меня, пустите! Я хочу къ нему...

Жаръ усилился и больная начала бредить.

* * *

Утромъ работа кипѣла. Оба офицера и человѣкъ десять солдатъ все время возились около своего воздушнаго корабля, снаряжая его въ невѣдомый путь.— Шаръ былъ вынесенъ изъ сарая и укрѣпленъ съ помощью толстаго каната. — Оболочка, сѣтка, корзина и всѣ инструменты оказались въ порядкѣ. Въ корзину было положено нѣсколько мѣшковъ песку и шаръ начали наполнять воздухомъ. — Наступила важная минута. — Офицеры и даже хладнокровный Омелько были возбуждены. Они готовились переступить порогъ родной стихіи и отдать себя въ объятья воздушному пространству. Оно еще не покорено и можетъ во всякую минуту, какъ неукрощенный звѣрь, наброситься на дерзкихъ смѣльчаковъ, — вступающихъ въ его заповѣдныя владѣнія, и, какъ пухъ, швырнуть ихъ на родною имъ землю.

Началось прощаніе. — Собравшіеся тутъ же офицеры пожимали руки своимъ товарищамъ и искренно желали имъ счастлизаго пути. То же дѣлали и солдаты по отношенію къ Омельку. — Наконецъ обнажились головы. Офицеры и Омелько начали креститься. И въ томъ, какъ горячо они крестились, — было что-то въ высшей степени трогательное: люди сознавая свою безпомощность, какъ дѣти, съ глубокой вѣрой ввѣряли свою жизнь въ руку своего Создателя. Если бы тутъ присутствовали женщины, — то навѣрно расплакались бы. Но слезы, появившись на мужскихъ лицахъ, оскорбили бы военный мундиръ, и потому растроганные воины тщательно скрыли ихъ за веселыми улыбками и шутками.

Наконецъ, раздалась команда, воздухоплаватели вошли въ корзину, отвязали канатъ, — шаръ сталъ быстро подниматься вверхъ, направляясь на западъ. Офицеры молчки, внимательно смотря внизъ. — Омелько чувствовалъ, что кровь въ его жилахъ течетъ скорѣе обыкновеннаго, а сердце бьется слишкомъ сильно.

Раскинутая внизу крѣпость, залитая золотистыми лучами лѣняго солнца, — казалась все меньше и меньше. Людей уже не было видно. Скоро дома превратились въ маленькія коробочки (пуделочка). Въ то же время передъ воздухоплавателями открываволь все большее и большее пространство земли, усѣянной разноцвѣтными лоскутками полей, лѣсовъ, луговъ и озеръ. Извивавшіяся дороги и рѣчки казались тоненькими змѣйками.

Пока шаръ находился низко, Омельку было немного жутко, но чѣмъ меньше

были видны предметы на землѣ, — т. е. чѣмъ выше поднимался шаръ, тѣмъ спокойнѣе онъ себя чувствовалъ.

Удивительно, — замѣтилъ офицеръ, кажется, что ты не въ шарѣ, а въ коляскѣ совсѣмъ не страшно.

— Далеко то, о что можна разбиться, — отвѣтилъ другой, — такъ всегда бываетъ; чѣмъ дальше то, что можетъ насъ уничтожить, тѣмъ менѣе оно намъ страшно...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, мы, кажется, довольно высоко.

Офицеръ бросилъ ласкутокъ бумаги (паперу), который сталъ падать довольно скоро.

— Поднимаемся, сказалъ онъ.

Случалось, что брошенная бумажка оставалась вверху. Въ такихъ случаяхъ офицеръ говорилъ:

— Опускаемся! Бросай!

Омелько сбрасывалъ на землю мѣшокъ съ пескомъ и шаръ поднимался.

Такъ несся шаръ около часу, въ теченіе котораго офицеры занимались своимъ военнымъ дѣломъ, а Омелько думалъ о женѣ. **Дальше буде.**

Конкурсъ.

Общество „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского въ Новомъ Санчѣ — объявляетъ конкурсъ на пронятіе 30 воспитанниковъ на 1913/14 учебный годъ.

Полная ежемѣсячная плата 25 К., не состоятельнимъ хорошо ведущимся ученикамъ, можетъ быть понижена. Воспитанники которые по 15-го н. ст. августа т. г. не уплатятъ рестанцій за прежные годы не будутъ приняты въ бурсу. Прошенія должны подавать родители или опекуны по 15-го н. ст. августа т. г.

Еслибъ по 15-го н. ст. августа т. г. не вплынуло по крайной мѣрѣ 18 прошеній о принятіе, Об-во не будетъ содерживать бурсы. Отцы или опекуны воспитанниковъ должны вписатся въ члены Об-ва и уплатить на инвентаръ 4 Кор., ученникы-же должны имѣть нужное бѣлье и обувь, теплое и легкое платье.

Отъ Совѣта Об-ва „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского въ Н. Санчѣ ул. Ягеллонская 37.

Д-ръ А. П. Гассай предсѣдатель — *Иванъ С. Пилатъ* секретаръ.

Писмо кума Петра Подлѣсного до кума Ваня Гунянкы.

Честный Куме!

Южъ давно я не писавъ ничъ до Васъ, ани Вы до мене, а было бы што написати, ищы теразь около выборовъ, бо хоцъ моя стара не хырчытъ такъ якъ въ зимѣ, але такый емъ наню злый, што волѣва бы южъ и хырчати, бо я про ню дармисѣцько посломъ не оставъ. А было то такъ:

Голосятъ нашъ войтъ, же втовды а втовды будутъ правыборы, та конечнѣ бы мѣ треба было выхопитися съ подъ того лѣса, и помочы выборцѣвъ выбрати, бо повѣдаютъ, же то дуже важна рѣчъ, же якы будутъ выборцѣ такый посолъ выйде. Та стара якъ не гукне на мене: „Соле со ты старый кочане, не сѣдишъ собѣ дома, ябы тобѣ дала, якый мѣ ту мудрецъ, — ты ту знашъ оберати, тамъ будутъ мудрѣйшы отъ тебе, тай презъ тебе оберутъ!

Тай не дала мѣ пити на тоты правыборы. — И знате куме, же они такъ якбы на злость незнати, ци мѣ, ци моѣ стари, такой мене выбрали.

Ой головонько моя розтомилена, — якъ ся моя стара довѣдала, якъ не зачне на мя ѣхати, а ты сякый такый, ты ту разъ выборця, ты ту будешъ знавъ голосувати и посла выберати, и идешь мѣ заразъ до войта, — жебы за тебе кого иншого выбрали. Я радъ не радъ, забрался тай пошолъ до войта на каянку. Приходжу до войта и оповѣдамъ такъ и такъ. — А войтъ повидатъ: „Слухайте Петре, вы засъ такъ свойой старой не свухайте, ани ѣй не вѣрте, же вы такый бортакъ, бо мы васъ за такого не маме, бо якъ бызме васъ за такого мали, то бызме васъ за выборцю не выбрали, а скоро сте выбраны, то до Санча голосувати ити мусите, ту мате на дорогу двѣ короны, а кьедь южъ такъ кцете навчытитя якъ мате голосувати, го итте до Ростокъ, тамъ буде вѣче, та тамся вшыткы выборцѣ повчыте, якъ мате голосувати. И куме Ваню, якъ мѣ тото войтъ повѣвъ, то такъ якъ бы мѣ зо серця каминъ знялъ, и мыслю собѣ: певнѣ войтъ мае рацию, же я не такый бортакъ, за якого мя моя стара мае, и мѣ не былъ тото хто повѣсти, — а она предомномъ тото затаѣла, тай плюнувъ емъ а пекъ ти былъ моя єтара и потарапкалъ до Ростокъ. Приходжу до Ростокъ, тамъ ниякого вѣча. Ой головцю моя макухова, дармисѣцько емъ до Ростокъ обтарапкалъ, и вертай хлопе зъ порозніомъ головомъ на згрысъ зо свойомъ старомъ, — бо не машъ ся чымъ предніомъ похвалити (предъ свойомъ старомъ) же ты не такый бортакъ якъ есъ дотля былъ.

На другый денъ я южъ не свухавъ свойой старой, бо мѣ такъ войтъ наказали, алемъ запрягъ свою стару шкапу, бо мя ногы болѣли, надышовъ мой кумъ такый выборця якъ и я, и подрымдали зме до Санча на выборы. И такъ идеме. Прелѣтуе насъ якыси ксіондзъ и повѣдатъ: „Приѣдете хвопи до бурсы, та тамся будеме радити“. — Мѣ зась на седци полекшаво и ѣдеме...

Приѣхалы зме до бурсы и якысый тамъ отворивъ вокно и кричытъ на мене: „Вы Петре потте гевъ зарасъ“! — Мой товаришъ повѣдатъ, итте Петре, бо васъ панове кличутъ. Я сой мыслю, южъ войтъ акуратъ мудрый хвопъ, скоро и мене за мудрого мае, але моя стара то гунцвутъ! Иду чымъ прудше до ѣзбы; единого пущаютъ, а другого не пущаютъ, але мене пустили, смотрю — сутъ ксьендзове, сутъ панове, сутъ и хвопи, вшыткы стоятъ — руками розмахуюъ, штоси кричатъ лемъ хвопи сѣдятъ, смотрю, свухамъ и ниякъ не можу тото розобрати о што ся розходитъ и мыслю што то таке, ци може вевилонску вежу будуютъ, ци може ся попили и битися хтятъ, и на мене пришовъ страхъ, приложыв-емъ плечы до стѣны, жебымъ потомъ по хырбетѣ не доставъ

и мыслю собѣ: Ктожъ теразъ малъ слушность и былъ мудрѣйшый ци войтъ, ци моя стара и слухамъ.

Едны кричатъ выберати, другы не выберати, едны кричатъ выберати (якысого зо Санча) професоря, вôнъ такый мудрый хвопъ, што якъ зостане посломъ то таке выробитъ право, — што потомъ самыхъ хлопôвъ и то русскыхъ будутъ на пословъ оберати, а на Maciuszka нѣ, бо Maciuszek „крелѣкавъ“! я не могу тото поняти, што то естъ крелѣкавъ, ци то кукурикавъ, ци допѣро буде кукурикавъ... Иншы кричали Мащюшка обрати, то Мащюшекъ добрый хлопъ, — мы му слово дали, засъ иншы кричали, никого не оберати, встриматися отъ обераня, нѣ мусимо выбрати, але свого не ляха! Но то кого выбереме? Петра Подлѣсного, Петро Подлѣсный буде нашымъ посломъ“! Я ся втѣшывъ, ты моя стара, ты мя мала за бортака, — а я теразъ зо вшыткыхъ наймудрѣйшый скоро мя хтятъ посломъ зробити, але якъ мѣ на мысель пришла моя стара, якъ не зачну кричати: Не хцу, не хцу, не буду! бо якъ ся моя стара довѣдатъ, то мя закантуе, а волосы на головѣ то аж-емъ чувъ якъ мѣ роснутъ! Звѣдуются мя: — Та чого, а я повѣдамъ та того, якъ мѣ зробили выборцомъ, то я зато достъ досталъ отъ свойой старой. Та якъ бысте мя теразъ зробили ищы и посломъ, то певно бы я Львова не видѣвъ, а пôдъ лѣсомъ то бы мя тѣжъ не было, бо бы мя моя стара доразъ закантувала. Га скоро такъ, то най каждый оберат — якъ самъ хце и знае. Тото хтоси зъ хлопôвъ кричитъ: „ганьба, ганьба“! — а хтоси: „де наша организація“? И такъ еденъ за другымъ вымыкался зъ бурсы, ажъ вшыткы повтѣкали, тôлько я самъ зоставъ, и мыслю собѣ: — Ничъ теразъ не зробю, лемъ запряжу свою шкапу и втечу, то хоцъ мя моя стара похвалитъ, жемъ втюкъ. — Но але де буде мôй кумъ товаришъ выборця, треба го буде поглядати, а зрештомъ хто зна, я якбыся тамъ згварили и мене посломъ зробили треба ся будѣ боронити, бо иначы ся до халупы не вказуй! тай пишовъ емъ и однашол-емъ свого кума, товариша выборцю и радиме што маме робити, ци голосувати, ци не голосувати, бо насъ не бывъ хто навчыти, хтѣли зме втечы, але зме не могли, бо насъ пильнували. И прецѣ на наше щестя нашы нумера высокы были а лѣтери тѣжъ, бо ажъ „ен“, та змеся достъ мали часу насвухати, якъ голосували, та зме добрѣ слышали, же Maściuszek мае дуже веце голосовъ якъ треба, а пфепфесоръ дуже менше, якъ треба то хоцбы зме оба дали своѣ голосы на пфепфесоря, то пфепфесоря не споможеме а Maściuszkowi не зашкодиме.

Але не такъ, вы куме были вôйтомъ и засъ можете быти, Maściuszek все сѣдитъ въ Радѣ повѣтовой а и вы яко вôйтъ черазъ мусите врадѣ быти, то вы будете голосувати на Maściuszka, а якъ бы васъ доганіяли, то вы молодый, то вы втечете, я засъ старый, я бымъ не мôгъ такъ втѣкати якъ вы, то я буду голосувавъ на пфепфесоря, и такъ ся стало, приходитъ и на насъ колей голосувати, пфепфесоре насъ пхаютъ на противъ себе, кличутъ мене, на кого głosujesz? на пфепфесоря! а ty na kogo, мôй товаришъ по тихисѣ на Maściuszka, — зо мномъ ся панове пфепфесоре забавили, а мôй товаришъ кетъ не скорчытся во двое, кетъ не скочытъ на сходы, — то лемъ ся за нѣмъ куръ сталъ, а пфепфесоре за нѣмъ, што то за еденъ, што то за еденъ, и бѣда! мôй товаришъ пропалъ разъ каминъ пôдъ воду, а я бѣдный не малъ съ кымъ ани порцию палюнкы выпити, ани кавалокъ хлѣба зъѣсти, а якбы на злистъ наша адзимочка въ возѣ зостава и такъ радъ не радъ мусѣвъ емъ идти къ возови и чекати на свого товариша. Скоро тôлько мôй товаришъ пришовъ, та погрызли зме адзимкы и потарапкали домôвъ, смѣючыся зо вшыткой той глупой роботы. Прошу Васъ затымъ одпишитэ мѣ, — хто мудрисшый ци я ци нашъ вôйтъ, ци моя стара, ци вшыткы зме бортакы зо вшыткомъ нашомъ организацюмъ, — и томъ славетномъ a zdradzieckom украиномъ!

Будте здорови а поздравте отъ мене свою стару! *Петро Подлѣсный.*

КОНКУРСЪ.

Общество „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского въ Новомъ Санчѣ объявляетъ конкурсъ на принятіе настоятеля бурсы на учебный годъ 1013/14. — Условія по догорору. Первенство имѣютъ студенты университета, русской народности, владѣющіе хорошо русскимъ литературнымъ языкомъ въ словѣ и письмѣ. Прошенія подавать въ Совѣтъ Об-ва по 15. н. ст. августа т. г.

Отъ Совѣта Об-ва „Русская Бурса“
им. В. Мѣйского, въ Новомъ Санчѣ.

Д-ръ А. П. Гасвай — предсѣдатель. *Иванъ С. Пилатъ* — секретаръ.

ДОПИСЪ.

Изъ Святковой великой.

Чудо надъ чудами зъ тыма украинцями! Я гварилъ, же дамъ тѣй паскудѣ покой, же реку може ся сама паскуда отямитъ, — же то треба реку съ людми жыти, але де тамъ! свиня быва свиньомъ тай и буде.

СВЯТАЯ РУСЬ.

(ДАЛЬШЕ).

„Видомъ, — какъ говоритъ лѣтопись, — князь Андрей былъ невысокъ ростомъ,— не широкъ въ плечахъ, красивъ лицомъ, съ волосами черными и кудрявыми съ высокимъ челомъ и большими свѣтлыми очами“.

Онъ умеръ за то стремленіе къ единовластію, необходимость котораго онъ такъ ясно созналъ и осуществилъ. — Но мысль, до которой онъ додумался, продолжала жить. Оставляя Руси будущаго эту великую и животворную мысль, онъ оставилъ ей и свою завѣтную святыню, икону Владимірскую, ставшую прибѣжищемъ, оплотомъ и завѣтною святыней Русской земли.

Приведемъ слова знаменитаго историка М. П. Погодина.

„Если вы будете во Владимірѣ, — ступайте въ Кремль поклонится древнему зданію зодчества въ русскомъ царствѣ (храму святой Богородицы Золотоверхой, созданіе князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго). На правой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей стоитъ серебряная гробница, и недалеко отъ нея виситъ древній шитый образъ во весь ростъ усопшаго. Помолитесь ему и поклонитесь мощамъ благовѣрнаго князя Андрея.

это былъ самый смышленый князь своего времени, который умѣлъ захватить въ свои руки власть почти надъ всею своею братіей, котораго слушались равно и Кіевъ, и Новгородъ, и Ростовъ, и Суздаль, и Владиміръ, князья смоленскіе, — полоцкіе, волынскіе и прочіе. Но не тѣмъ онъ заслужилъ особенную память въ лѣтописяхъ отечества, а вотъ чѣмъ: онъ обратилъ средоточіе русской государственной тяжести въ нашу сторону, онъ вывелъ на поприще исторіи другое племя, великорусское, самое младшее изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, и — второй Рюрикъ положилъ основаніе другому княжеству, которое приметъ въ одинъ изъ меньшихъ городовъ своихъ, — заложенный отцомъ его, — всѣ прочіе и заключить въ себѣ судьбы отечества“.

Имя Боголюбскаго звучитъ еще въ наименованіи иконы, на которой святой князь изображенъ въ колѣнопреклоненной молитвѣ предъ Богоратетью.

За девять дней по убіенія св. Андрея (20 іюня) скончался 20-лѣтній сынъ его, благочестивый, чистый душой и тѣломъ князь Глѣбъ.

Мощи его были открыты въ 1702 г., чрезъ пять слишкомъ вѣковъ по его преставленіи. Онѣ прославлены чудесами и отличаются особою жизненностью: — рука князя свободно поднимается, гнется наклоняется, какъ у живого. Рака стоитъ въ придѣлѣ того же Владимірскаго собора, ему посвященнаго.

Въ томъ же соборѣ почиваетъ благовѣрный князь Изяславъ, другой сынъ св. Андрея Боголюбскаго. На гробовой его плитѣ лежать ратнымъ шлемъ и стрѣлы и даруютъ исцѣленіе вѣрующимъ. Богомольцы надѣваютъ на себя шлемъ и держать въ рукахъ стрѣли.

IX.

Св. Мстиславъ Храбрый.

Теплымъ отраднымъ свѣтомъ сіяетъ отъ князей, которые въ эти грустныя времена раздѣленія и распрей, подготовившихъ паденіе Руси, — сіяли великодушіемъ и правдой.

Внукъ св. Мстислава Великаго, сынъ св. Ростислава, Мстиславъ Ростиславичъ еще въ молодости заслужилъ прозваніе Храбраго столько же по отвагѣ въ битвахъ, сколько по благородству души, какое его отличало. Какъ пишутъ современники, — съ юности онъ привыкъ не бояться никого, кромѣ единаго Бога, — и всю жизнь вступался за правыхъ противъ виноватыхъ и за слабыхъ противъ сильныхъ.

Когда Андрей Боголюбскій предоставилъ Кіевъ, уже какъ простой удѣлъ, князю, имѣвшему на него менѣе правъ, чѣмъ братья Мстислава, Мстиславъ вступ-

Такъ и тотъ егомосьць Жукъ, што го Костье приславъ до насъ, — жебы украину выбудувавъ. Но але знате, вôнъ видитъ же оно му якоси не хоче ити до горы то лемъ теперь (о Боже змилуй ся!) въ церкви на тѣмъ горечнѣммъ казаню, што го повѣдатъ якъ зачне политыковати, то знате ажъ смѣхъ бере такой въ церкви, и чловекъ што малъ въ церкви ся Богу помолити и попросити жебы ся Богъ надъ надъ нами змилосердивъ, бо лемъ заєдно лѣє а коничы южъ погнили а то Богъ каре протыхъ украинцѣвъ, бо тымъ южъ днеска Бога повѣдаютъ не тра, та чловекъ муситъ ищы въ церкви грѣшыти.

Знате, — жебы ся тотъ егомосьць Жукъ звѣдалъ людей, ци хотятъ жебы повѣдавъ казаня, то я бы першый повѣлъ же не хочу, бо волѣлъ бымъ презъ тотъ часъ хоцъ порядне пацерѣ змовити, бо дежъ то такому повѣдати казаня, што ищы не навчывъ ся добрѣ библіи!

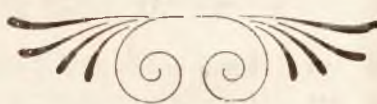
Люде! адже тотъ Жукъ повѣдавъ на св. Петра и Павла на казаню въ Святкôвцѣ, — же якъ св. Петро южъ бывъ въ Римѣ барзъ хворый и чулъ ся близкымъ смерти, та же выбралъ єдного на заступцу по собѣ и же такъ ся робитъ ажъ до теперь!

Я не знамъ але я читавъ, — же св. Петръ не гмеръ доброволъномъ смертьомъ отъ хоробы, бо ищы втѣкавъ съ Риму предъ смертьомъ, але го Іисусъ Христосъ гернувъ, тай го потôмъ розопяли долу головомъ.

Но але тото байка, бо якъ ся не вчывъ, — то не може и знати, бо вôнъ лемъ ся вчытъ, што тото якысе „Дѣло“, иде до нього въ каждый день, то маѐ быти отъ того мудрый! Казанія изъ св. Евангелія не повѣстъ, бо незна на рядъ вывести о политицѣ, то якъ зачне провадити, то ни початку ни кôнця...

Повѣдалъ, же жебы дякъ пѣшолъ до Америкы, та бы го за 25 доляр0въ высвятили на ксендза, — же вôнъ барзъ мудрый! (Певнѣ „іегомосьць“, же дякъ въ святôмъ писмѣ мудрійшій отъ васъ)! Тôлько паплюлъ, што ани бы на бычѣ скорѣ не списалъ, — зашолъ о Россію, о Францію, о Турку, о Украинѣ, вшытко зачалъ мѣшати до купы тай ся му голова закрутила и певно бы впавъ на землю, якъ бы ся не тримавъ столика, што на нѣмъ евангеліє чыталъ.

Не знамъ, — коли то южъ выбье остатня година тѣ украинѣ, жебы люде стали вôльнѣйшы отъ того „нашествія иноплеменныхъ“, бо то такъ якъ погане перше нападали на св. Русь, такъ и тоты украинцѣ теперь находятъ на насъ, но кой ся ищы боятъ, та не палятъ, не нищатъ, лемъ нарôдъ псуютъ и затруваютъ.

Братоубійственна вôйна.

Наши братя славяне ищы ся неопамятали, лемъ проливаютъ свою кровцю дальше. Страты страшны, то не турецка вôйна. Сами Болгаре статили до теперь въ вôйнѣ съ Сербами, Греками, Румунами около 100 тисячи люда, а Грекы и Сербы коло 70 чисячи. А такъ ихъ мало естъ бо лемъ кôлька миліонôвъ всѣхъ разомъ!

Болгарія въ нещестю.

Тота Болгарія, котра сталася славомъ свѣта въ турецкой вôйнѣ, теперь окружена пятьома ворогами! Завинила сама, бо хотѣвъ ей погодити съ ворогами предъ войномъ, але она была такъ увѣрена въ свои силы, же не хтѣла приняти русского царя на судію. — При тôмъ здаеся, же Австрія обѣцяла ѣй помочи на выпадокъ вôйны, а теперь Австрія ани ся не одозве.

Въ остатнôй хвили, коли Болгарія видила, же безъ помочи Россіи загине, звернулася съ молитвомъ до русской державы и проситъ помочи. — Бо треба знати, што

Турція выдала вôйну Болгаріи

и машеруе на Адріянополь, а въ остатній хвилѣ розышлися вѣсти, же

Туркы здобыли Адріянополь!

бо болгарскы войска шыткы заняты въ вôйны съ Сербами, Греками и Румунами, а въ Адріянополю лишилося лемъ кôлька тисячъ и крѣпость не была ищы добрѣ обварувана, по остатнѣмъ здобытю.

Тымчасомъ

Румуны южъ пôдъ столицьомъ Болгаріи, Софіомъ!

и грозятъ, — же займутъ саму столицю Болгаріи.

Што дѣеся въ Софіи?

Въ столицѣ болгаріи роспука, — ляментъ, плачъ! — Грозитъ револющія. Естъ партія, котра хоче зошмарити царя Фердинанда, католика нѣмця, а посадити православного Болгара, або русского, — естъ партія, котра посылатъ тельеграмы

пился за ихъ права. На угрозы Андрея онъ отвѣчалъ:

— Не страшимся. — Исполни ихъ. Идемъ на судъ Божій.

Собравъ громадную рать свыше 50 тысячъ воиновъ и болѣе 20 князей, — Андрей осадилъ Вышгородъ, гдѣ заперся съ малочисленною дружиной Мстиславъ.

Необозримый станъ осаждающихъ представлялъ невиданное зрѣлище. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстью людей. казалась цѣлью, — недостойною этого ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную державу. Но среди князей осаждающихъ не было согласія. Девять недѣль прошло въ битвахъ, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ.

Когда ко Мстиславу направился неожиданный союзникъ, это незначительное для силы рати Андреевой обстоятельство произвело среди нея такой переполохъ,— что она обратилась безумно въ бѣгство и ночью толпами кидалась въ рѣку. — Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ Вышгорода и при свѣтѣ зари видѣлъ это непонятное бѣгство многочисленнаго войска, гонимаго какъ бы сверхъестественною силой въ глубину Днѣпра. Онъ едва могъ вѣрить этому зрѣлищу и, поднявъ руки къ небу, восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышгорода, Бориса и Глѣба, сѣвъ на коня и довершилъ пораженіе, взявъ непріятельскій станъ и обозы. — Плѣнныхъ же отпустилъ на волю безъ выкупа.

Посадивъ въ Кіевѣ брата своего Романа, онъ отдалъ ему и Смоленскъ, а себѣ не искалъ никакого удѣла: — онъ былъ вездѣ, — куда звала его правда и слава.

Новгородцы прислали звать его къ себѣ на княженіе, — но онъ колебался, говоря, что не хочетъ разстаться съ добрыми братьями и своею отчиной — Смоленскомъ.

— А великій Новгородъ развѣ не твоя отчина? — сказали ему новгородцы. Иди, князь, поклонись св. Софіи, послужи ей вѣрой и правдой, какъ служили дѣдъ твой и прадѣдъ.

И Мстиславъ пошелъ, потому что добрая душа его всегда рвалась на дѣла великія.

Весь Новгородъ: — народъ, бояре, духовенство съ крестами, съ ликованіемъ вышли ему навстрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово блюсти чессь а пользу Новгорода и сдержалъ это слдво.

Узнавъ, что эстонцы осадили Псковъ и поятоянно безпокоятъ границы, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20.000 войска и пошелъ на нихъ, радуясь столь многочисленной рати. Но эстонцы немедленно побѣжали. Онъ прошелъ ихъ землю до моря, взялъ множество скота и плѣнниковъ и готовился къ другимъ предпріятіямъ, какъ въ цвѣтѣ мнжества, — силъ и надеждъ былъ сраженъ смертельнымъ недугомъ.

Онъ велѣлъ нести себя въ церковь, — причастился послѣ литургіи святыхъ Тайнъ и смежилъ очи предъ дружиной, въ объятіяхъ супруги, — поручая дѣтей своимъ братьямъ; и успокоилися крестообразно его мощныя руки на широкой груди, вѣрно оборонявшей Новгородъ. Онъ отошелъ 14. іюня 1180 г. Его мощи почиваютъ открыто въ Софійскомъ-Новгородскомъ соборѣ.

Лѣтописцы описываютъ его мужественную красоту, — свѣтлый и смѣлый взглядъ голубыхъ очей, исполинскій ростъ, необыкновенную силу — внѣшнюю прекрасную оболочку великой души.

Удача въ побѣдахъ соединялась въ немъ съ младенческимъ добродушіемъ.— Новгородъ и вся Русь неутѣшо оплакивали во Мстиславѣ благородныя намѣренія для славы Руси, дѣтское незлобіе и простоту, соединенную съ пылкою гордостью благороднаго сердца, ненависть ко лжи, смиреніе предъ старшими, милосердіе ко всѣмъ несчастнымъ, обездоленнымъ, — страждущимъ, гонимымъ, на защиту которыхъ стремилось неудержиме его золотое сердце. одушевленіе горячей вѣры, безпредѣльное усердіе къ Богу и Церкви. Современники называли его украшеніемъ его вѣка и Россіи.

Другіе воевали для корысти, а онъ для правды и славы; презирая опасности, еще болѣе презиралъ онъ золото, и всегда отдавалъ его воинамъ въ Церкви. Въ битвахъ ободрялъ людей словами:

За насъ Богъ и правда; — умремъ нынѣ или завтра: умремъ же съ честью.

„Не было такой земли на Руси, — говоритъ лѣтописецъ, которая не хотѣла бы повиноваться ему, и гдѣ бы о немъ не плакали“. (Дальше буде).

до Россіи и проситъ, жебы русскы войска заняли Болгарію и жебы не дали збыткуватися надъ нима Румунамъ и Туркамъ. Глядаютъ ратунку якъ можутъ, але ци найдутъ незнати!

Што робитъ Европа?

Европа смотритъ на тоту рѣзню люди ни зашто — ни прошто и не мѣшатся, бо ся сама себе боитъ. Великы державы розумѣютъ, — же якъ една зъ нихъ вмѣшатся до войны, то муситъ съ того выникнути война Европейска.

РОССІЯ

давно грозила, же якъ Турція осьмѣлится рушити, то займе Арменію, — значитъ турецку посѣдлость въ Азіи и не знати, што съ того буде, ци займе, ци нѣ, бо втоды буде зле! Бо другы державы лемъ ждутъ, — коли дакотра съ нихъ войну зачне, — жебы поспѣшити съ готовымъ войской.

Розумѣютъ тото маленкы балканскы державы, же великы не можутся мѣшати, бо сами себе ся боятъ, та вырабяютъ, — што хтятъ, рѣжутся, покля не ослабнутъ такъ, ажъ ся не будутъ могли рушати!

Писмо Ваня Гунянкы до Америкы.

Дорогы Пріятелѣ!

Найперше Слава Іисусу Христу!

А теперь Васъ барзъ гардѣ поздравямъ и довѣдуюся о Вашимъ милымъ здоровлю и поводжиню. — Я съ ласкы Господа Бога здравъ, а поводжиня мое, як бѣдного хлопа съ русскомъ душомъ! Вамъ ся може южъ и спрякрили мои скаргы на бѣду, а штожъ робити, якъ бѣда естъ, бѣда вѣрутна, бѣда така, што не знамъ, ци даякій народъ на свѣтѣ въ такой бѣдѣ, якъ мы гевъ руснакы! Ба та што зрештомъ Вамъ буду тоту бѣду описувавъ, якъ Вы ей сами знате, босте предъ ньомъ втекли до Америкы! Я лемъ Вамъ хочу дописати, о колько она теперь въ насъ подросла, — бо якоси ѣй наши горы окрутнѣ до смаку.

Такъ знайте, же тота бѣда въ насъ въ томъ 1913, несчесливомъ роцѣ деси ся насходила съ цѣлого сьвѣта! Мусѣла прити тамъ съ Балкану, — бо ся певнѣ войны встрашила, або што!

Такъ знайте, же кромъ того, што въ томъ роцѣ мы дыржали и дыржиме зо страху предъ войномъ, та ищы дыржиме зо страху предъ голодомъ!

Такъ, бѣда! Въ насъ въ Галичинѣ и на Венграхъ были страшны зливы, — побрало хлѣбусь, а што не забрало, та попсуло, погнили коничи, сѣна, побурило дорогы! Але то ищы шытко ничъ, але коли лѣе дальше, ани не мыслится прояснити!

Хоцколи собѣ ляжу такъ на пецъ, бо мате знати, же въ насъ такой и зимно, якъ въ зимѣ, тай вамъ ляжу на пецъ и роздумую! Де ся той воды только тамъ въ небѣ бере? Та оно певнѣ зъ моря шытку выпье! — Та тото бы тамъ ищы велька бѣда не была, бо бы зявъ чловекъ до торбы даяку адзимочку, тай бы пише до Америкы зашовъ разомъ зо старомъ и съ дѣтми, не треба бы только турбаціи зо шифами, шифкартами, тикетами!

Сьмѣхъ сьмѣхомъ, жартъ жартомъ, але кьебысте мѣ котрый сватъ, або кумъ шифкарту прислали, — та бымъ гетъ въ Америку драпнувъ! Бо въ насъ знате клопотъ, банкы правѣ позамикали, ани пожичити нема де! — А котрый скупарь мае пѣнязѣ, та триматъ въ коникy, або въ стѣнѣ кунатѣ! Го, го, жебы я мавъ тоты пѣнязѣ, што бортакамъ того року мышы зѣли, — та бымъ ся пытавъ, што Австрія стоитъ! Но але найтамъ!

А Вы ся тамъ войны не боите? Бо въ насъ, почавши отъ найвекшого пана, а скончивши на найвекшимъ дзядѣ, та ся шыткы войны боят..! — Каждый бы хтѣвъ войны, але жебы ся самъ скрывъ, а тота страна, што вонъ съ ньомъ триматъ, жебы войну выграла. Я ся нато смотрю и смотрю и повѣдамъ, же войны не буде, бо битися нема хто, — лемъ бояти ся естъ хто...

А Вы Мистеръ Фецьку Тузе зъ Воловця не бойтеся, жемъ доставъ вроки отъ украинцѣвъ, бо я собѣ съ украинцями, хоцъ яка велька бѣда, та якоси пораджу!

О жены въ краю ся не бойте, бо не маютъ за што пити, а пожичати теперь не пожичаютъ, та Вамъ довговъ не наробятъ! Но будте здравенькы.

Ваньо Гунянка.

ЖЕРТВЫ
на
РУССКУ ДРУКАРНЮ
ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.

Перши жертвовали на нашу друкарню: Г-нъ Григорій Галь зъ Лоси и г. Дамьянъ Бубнякъ съ Горлицъ по 5 К., разомъ 10 К.

Дали примѣръ! — Ано, хто другій.

НОВОСТИ.

Наступный нумеръ нашой газеты спознится троха по поводу выѣзду редакціи, администрація, експедиціи и т. д., а лишити жадно дома не можеме.

Та будете такы добры пребачати, а мы Вамъ тото вынагородиме.

До Кіева! По жнивахъ буде устроена для русскихъ хлоповъ поѣздка въ Кіевъ, въ матерь русскихъ городовъ. — Хто съ Васъ хоче видѣти русску славу и силу, наши православны памятны святыни-храмы, а стати го на 50 К., най ся старатъ о пашпортъ (засвѣдчиня) за границю. — Причину подавати, што хочете ѣхати на выставу до Кіева, — котру того року открыто.

По близши инпформаціи звертатися подъ адресомъ: **Львовъ, Театральная 22, „Русское Касино“, — Д-ру Владиміру Антоневичу.**

Зрештомъ мы въ той справѣ будеме ищы писати, лемъ ся лѣпше вывѣдаме бо нашъ редакторъ поѣде того тыжня, лемъ старатися завчасу о пашпортъ, бо безъ пашпорту ѣхати не можна!

„Мілько“ зъ Маластова — робитъ кстины и запрашатъ презъ нашу редакцію бискупа и арцибискупа за кумовъ. — Видишь „Мільку“, воювавъ есь, воювавъ, тай есь вывоювавъ! А ищы якъ паскудно! Фе! Такъ потрафитъ лемъ „іезуита“ и то „мазепинскій“. — Но сѣдъ-же теперь тихицко, дай покой съ „Украіном“ або возъ „кляйникайты“ и втѣкай! — Може бискупъ тя именуе прибочнымъ „адіютантомъ“, бо йому такы „ананасы“ потрѣбны!

„Мільку“! Тасъ не могъ того яко „потихицькы“ зробити! Йой, Боже га!

Любовъ къ ближнему. Въ американскихъ газетахъ было недавно обявлено, што потрѣбно только а только (10.000 квадр. дюймовъ) здоровой живой чловечой скоры. Сталося нещестя въ Буффальо, бо обгорѣло 500 люди и для ихъ вылѣчиня треба было приложити на выпалены мѣстя новой людской скоры, — жебы ся зросла. Сголосисося 200 люди, — котры дали собѣ добровольно и задармо вырѣзати по кавалочку скоры зо своего тѣла для уздоровленія своихъ ближныхъ.

Нещестя съ бальонами. Въ Миланѣ впавъ разомъ съ бальономъ съ высокости 500 метр. ученикъ бальоновой школы, — молодецъ фабри и убився на смертъ, а съ його тѣла не зостало лемъ купка мази. Такъ еденъ славный воздухоплаватель французскій взявъ своего отца до повѣтря и сталося нещестя, бо машина запалилася и оба погибли.

Италійскій Редль — Въ Италіи злапали шпьега, котрый шпьегувавъ на корысть Австріи и достававъ зато отъ нашой державы гроши. Былъ то нимъ грабя Мораццо.

На Буковинѣ „Нова Буковина“. — На Буковинѣ выходитъ украінска газетка „Нова Буковина“, подъ котромъ подписувався яко редакторъ „Осип Дік“. Але въ 50 ч. наступила змѣна и теперь подписуеся: „Осет Дікі...“ Хоцъ разъ украінска газета не бреше.

Громы въ Америцѣ. Въ Клѣвлендѣ (въ Огайо) за мѣстомъ робили церковный „пикникъ“, коли настала буря съ громами, Громъ вдаривъ въ павильонъ, — подъ котромъ скрылися люде, забивъ едного чловека, трехъ ранивъ тяжко, а двацетъ лекше. Въ Давфинъ (Манитоба) стрѣливъ перунъ въ украинску церковь и спаливъ до тла.

Послѣдствія дощовъ и громовъ. — Кромъ шкоды на полю, въ газдовствѣ, наробило нещестя въ дорогахъ простыхъ и желѣзныхъ, — громы поубивали массу люди и звѣрятъ.

Въ Устрискомъ, — въ Устяновѣ забрало цементовый мѣстъ, котрый коштувавъ 10.000 К. Въ Лолозвѣ перунъ забивъ хлопа, котрый пошовъ по статокъ въ поле, а пастушку оглушивъ, — што онѣмила и оглухла. — Въ Устрикахъ, въ самомъ мѣстѣ забрала вода мѣстъ, — въ Старявѣ буря усунула гору, — котра засипала дорогу кольейову на довгость 1 километра. Въ богато мѣстахъ поѣзды не курсуютъ и не будутъ, поки не направятъ дорогу, на што треба часу. — Зрештомъ ани нема што вычисляти шкоды, бо бы ихъ и въ цѣлой нашой газетѣ не вычислявъ.

Обыкновенное годичное общее собраніе членовъ Общества „Русская Бурса“ им. В. Мѣйского въ Новомъ Санчѣ состоится дня 15 н. ст. августа т. г. въ 11 час. передъ обѣд. въ собственномъ домѣ по ул. Ягеллонской н-ръ 37 по слѣдующей програмѣ:

1) Открытіе собранія и выборъ президіюмя на время совѣщаній.

2) Чтеніе протокола изъ послѣдного общого собранія.

3) Докладъ о дѣятельности общества.

4) Докладъ контрольной комисіи.

5) Удѣленіе абсолюторіума уступающему правленію.

6) Матеріяльное обезпеченіе бурсы.

7) эвентуальна перемѣна статутовъ и спродажъ реальности.

8) Выборъ нового правленія на годъ 1913/14.

9. Предложенія и запросы членовъ.

Еслибъ въ 11 часовъ не явилось уставомъ предписанное число членовъ нужное дня кворума, состоится дня 15. н. ст. августа сейчасъ въ 12 час. дня второе собраніе уже безъ вниманія на число присутствующихъ членовъ (§. 14. устава О-ва).

Правленіе обращается съ прошеніемъ къ всѣмъ членамъ, которыя интересуются дѣлами бурсы, чтобъ численно явились на собраніи.

От Правленія О-ва „Русска Бурса“ имъ. В. Мѣйского въ Новомъ Санчѣ:

Д-ръ Ал. Гассай — предсѣдатель. *Иванъ С. Пилатъ* — секретаръ.

КОНКУРСЪ.

Общество „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ объявляе симъ конкурсъ на принятье 40 учениковъ на 1913/14 шк. рôкъ. Прошенья маютъ вносити родители або опекуны ихъ по 15. серпня н. ст. на адресъ: „Русская Бурса“ въ Горлицяхъ, ул. Змигородская. Съ прошеньемъ слѣдуе внести свѣдоцтво крещенья и шкôльное, а если хто проситъ о пониженье мѣсячной доплаты, то и свѣдоцтво убожества. — Кромѣ того треба прислати въ прошеню почтовую марку за 10 гел. на звычайный, а 45 гел. на заказный отвѣтъ. Хто былъ воспитанникомъ Бурсы передъ вакаціями може внести только прошенье; если не внесе прошенья, то не буде принятый въ Бурсу на слѣдующій рôкъ.

Мѣсячная доплата по причинѣ значительного долга Бурсы повысшена на 30 коронъ. — Она може быти понижена ученикамъ бѣднымъ, но съ хорошимъ поведеньемъ и успѣхомъ въ наукахъ.

Всѣ воспитанники маютъ мати: куферокъ на рѣчи, сѣнникъ, 3 простирала, 3 пошевки, подушку, 6 паръ бѣлья, — 3 ручники, 6 носовыхъ хусточокъ, зимовое и лѣтное убранье, плащъ, 2 пары чобôтъ, 6 паръ шкарпитокъ, або онучокъ, щетки до чищенья убранья и обуви, — мыло, зеркальце, гребень. Лôжко даетъ Бурса.

Прошенье о принятье въ Бурсу — могутъ вносити ученики всѣхъ клясъ и шкôлъ въ Горлицяхъ, т. е. гимназіи, народной и першихъ двохъ кляссъ выдѣловой школы.

Правленіе „Русской Бурсы“ въ Горлицяхъ:

о. Вл. Калужнянскій — предсѣдатель. *Феодотъ Танчинъ* — секретаръ.

Надѣли сой мазепинцѣ козацку одежу,
Тай лемковску съ крикомъ-гукомъ преступили межу.
Хтѣли вѣру „иначыти“ русскость закопати
Нашу святость одобрати а свою намъ дати

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика“ Русьздрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасуютъ..
Небораки „мазепинцѣ“ съ йойкомъ отлѣтуютъ...

ДВА ПИСМА.

Триста лѣтъ тому назадъ, коли ищы наши козаки провадили вôйны съ бисурманами турками, вымѣняли наши славны запорожцѣ такы писма съ султтаномъ турецкымъ:

Писмо отъ султана, Цисаря турецкого, до Козаковъ запорожскихъ:

„Я Султанъ, сынъ Найясьнѣйшого Цисаря Турецкого — всѣхъ братей Турецкихъ, Македонскихъ, Іерусалимскихъ, Великого и Малого Египта, Ассырійскій Царь надъ Царями, Князь надъ Князями, Панъ надъ Панами, Моцарь надъ всѣми Моцарями, котры жіютъ на сьвѣтѣ, — Рыцарь непобѣдимый, Внукъ Божій — Вартярь варты Гробу Божого — Надѣя и потѣха Бисурмановъ — Спасеніе Цигановъ — Смутокъ христіяновъ — Надѣя жидовска:

Приказую вамъ, Козакамъ Запорожскимъ, жебысте не осьмѣлялися бôльше мене нападати и добровольно пôддалися безъ опору и силы, — бо мечь и огенъ будутъ противъ гордости вашой!“

Султанъ.

Отвѣтъ Козаковъ.

Козаки на то такъ отписали:

„Ты султане турецкій, проклятого чорта братъ и товаришъ, — што одну съ нимъ кобылу варишъ! Чортъ солитъ, а ты ѣшь, а твое войско скоры лупитъ. Ты самого Люципера секретарь, Турецкій и Грецкій кухаръ, Вавилонскій слюсаръ, Іерусалимскій Коваль, Асырійскій колодѣй, Сырійскій коновалъ, Орміянскій броварникъ, Македонскій кожемяка, Александрійскій воръ и мошенникъ, Арабскій лихварь, великого Египту свиня и пастухъ, Арменская собака, Татарская покуса! — Шалѣешь по свѣту, — а крутишься по земли, якъ пострадавши глузды! Гицель Каменецкій, — Катъ Подольскій, дурень Волоскій, колтыга Украинская, мара Московская, а самого бѣса внукъ, нашого Бога дурень, смутокъ и упадокъ Бисурманскій, всего свѣта и пôдсвѣта блазенъ и плюгавецъ!

Тобѣ, сыну собачи, не поддаемся и твого лихого войска не боимся. — Мы съ тобою, якъ рыба съ водою зотремся и будемъ ся бити, — а теперече нас. ри твоей матери!

Машь отповѣдь на твое писмо Константинопольское.

Запорожскіе Козаки.

Розумѣтся, же на таке писмо султанъ отповѣлъ вôйномъ, чого козаки хотѣли.

Доносятъ намъ съ Новицѣ, — же естъ тамъ така газдыня, што лемъ все въ корчмѣ съ хлопцями сѣдитъ и пье! Якъ собѣ южъ пôдопье, та ѣй хлопцѣ граютъ на „шкипахъ“, а она танцуе и присьпѣвуе:

Пій Марисю, пій,
Лемъ ся не упій!
Бо хоцъ пропьешь сто златыхъ,
Приде Штесько заплатитъ,
Пій Марисю, пій,
Лемъ ся не упій и т. д.

Бѣдный тотъ неборакъ Штесько! — Муситъ за жену платити, самъ варити, коровы доѣти!

А вы газдыню дайте покôй геть, не выставляйтеся на публику! — Хтожь такъ видѣвъ! — Та видите, же Панбôгъ люди каре, дощь и дощь, а вы ся веселите.

УЛЕКШАТСЯ МУ.

— Прошу пана, але мене южъ ноги болятъ такъ далеко до васъ за тымъ довгомъ ходити!

— Оно ся вамъ полекшатъ, бо отъ першого пренесуся на туту саму улицю, што вы мешкате.

Злослива стара...

— Слухайте, чомъ ваша стара такъ ся злоститъ?

— Ба! Найперше розлостилася на слугу, потомъ на мене зато, же я ся на слугу не злостивъ, а теперь сама на себе зато, же слуга былъ не виненъ.

Нагробокъ бискупови.

Мѣсто занято владыкой,
Который ѣлъ и пилъ
Неотличаясь наукой,
Якъ Скотъ жизнь закончилъ!

Теперь же онъ пользу даетъ,
Почву управляя
А Русь Бога величаетъ
Подлеца теряя!

ВЪ КАССѢ.

1. Кумъ: Смотте куме, якый тотъ кассіеръ череватый! Та вонъ ся рушити не може!

2. Кумъ: Бо то знате — наумысьнѣ такого выбрали, — жебы не могъ втечи съ пѣнязми...

ВЪ БУЧЕРНИ.

— Мистеръ бучеръ, — а вы нашто таке вельке люстро въ бучерни повѣсили?

— Бо якъ бабы приходятъ по мясо, та ся не смотрятъ на вагу лемъ до люстра.

Не ВЫБЕРАТЪ.

— А вы куме чомъ не выберате николи, ани до громады, ани до сойму, ани до парламенту.

— Ей бо куме я лемъ разъ въ житю выберавъ, а же емъ выбралъ зле, томъ собѣ присягъ, — же бôльше выберавъ не буду!

— Та кого сте выберали?

— Бай — жену!

— Слухай Оленцю, а коли ся въ вашимъ селѣ зачинать Служба Божа?

— Е! Та вы не знате? Та втоды, якъ ся ціомосьць приберуть и станутъ при олтари!

Скаргы злодѣя...

— И вѣрь ту чловече людьомъ! — Иде вамъ такій панъ, цигаро въ зубахъ, цилиндеръ, а вложте му руку до кишенѣ, та найдете за грайцарь патычкы и подерту хусточку до носа!

СМѢШНЫ СЬПѢВАНКЫ.

Мила моя мила
Зима быта била!
За тоты колачи,
Штосъ отъ ня поѣла!

Знати Боже знати
Котрый хлопъ женатый,
Бо иде презъ село,
Якъ псиско кудлатый!

Подавъ *Ваньо Хованецъ съ Тылича.*

Где здѣйсьви глядати щестя, а цигановi „Правды“?
Въ Америцѣ!...

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ДМИТРІЙ ВИСЛОЦКІЙ.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.